

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Материалы Международной
научно-практической конференции
15 сентября 2017 года
(г. Нефтекамск, Башкортостан)*

© НИЦ «Мир Науки»
2017

Научно-издательский «Мир науки»
Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции
под общей редакцией **А.И. Вострецова**

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

научное (непериодическое) электронное издание

Наука и образование в современных условиях [Электронный ресурс] / Научно-издательский «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (8,70 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский «Мир науки», 2017. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь. – Загл. с тит. экрана. – Электрон. текст подготовлен НИЦ «Мир науки»

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Классификационные индексы:

УДК 001

ББК 72

Составители: Научно-издательский «Мир науки»

А.И. Вострецов – гл. ред., отв. за выпуск

Аннотация: В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения», где нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников вузов Российской Федерации, Киргизии, Азербайджана, Казахстана, Армении и Белоруссии по биологическим, юридическим, техническим, филологическим, экономическим, педагогическим, историческим, психологическим и другим наукам. Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Сведения об издании по природе основной информации: текстовое электронное издание.

Системные требования: ПС с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

НАДВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Сведения о программном обеспечении, которое использовано при создании электронного издания: Adobe Acrobat Reader 10.1, Microsoft Office 2003.

Сведения о технической подготовке материалов для электронного издания: материалы электронного издания были предварительно вычитаны филологами и обработаны программными средствами Adobe Acrobat Reader 10.1 и Microsoft Office 2003.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку материалов:
А.И. Вострецов.

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Дата подписания к использованию: 15 сентября 2017 года.

Объем издания: 8,70 Мб.

Комплектация издания: 1 пластиковая коробка, 1 оптический компакт диск.

Наименование и контактные данные юридического лица, осуществившего запись на материальный носитель: Научно-издательский «Мир науки»

Адрес: Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, улица Дорожная 15/295

Телефон: 8-937-333-86-86

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

И.И. Ковяко,

к.и.н., доц.,

e-mail: klq2034@mail.ru,

*Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка,
г. Минск, Беларусь.*

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ СССР ПО БЕРЛИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В 1958 – 1962 ГГ. В АНГЛО- АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: данная статья посвящена изучению подходов британских и американских историков к анализу советской политики по германскому вопросу в период второго Берлинского кризиса. В ходе исследования выявлены существенные отличия при определении мотивов и целей советской стороны осенью 1958 г., в ходе переговоров 1959–1960 гг., а также на заключительном этапе кризиса. В итоге установлены два основных направления в англо-американской историографии данной проблемы.

Ключевые слова: англо-американская историография, германский вопрос, берлинская проблема, второй Берлинский кризис, Берлинская стена, СССР, ГДР.

Анализируя политику Советского Союза по германскому вопросу в период второго Берлинского кризиса, представители англо-американской исторической науки придерживаются, главным образом, двух подходов. Одна группа исследователей склонна рассматривать формирование предпосылок кризиса с учетом ситуации, которая сложилась в Германии после Второй мировой войны. Представители либерального направления не склонны возлагать единоличную вину за берлинские события 1958–1962 гг. на СССР. Советская политика по берлинской проблеме в данный период квалифицируется как естественная и защитная реакция на угрозу дестабилизации ГДР и блока социалистических стран. Подобные идеи содержатся в работах

Н. Эштона, П. Мэйджора, Ф. Тейлора, Т. Банхофа, Б. Гилхеда, Э. Эдмондса, К. Ньюман, Б. Менинга, Х. Гаррисон.

Британский исследователь **Найджел Эштон**, профессор Лондонской школы экономики, специалист по современным англо-американским отношениям, анализируя ход и последствия Берлинского кризиса, считает его главной причиной неспособность союзников договориться об урегулировании германского вопроса после Второй мировой войны. В результате Берлин стал пограничным пунктом в противостоянии Востока и Запада и «наиболее уязвимым местом в периметре политики сдерживания СССР» [1, с. 49]. Британский историк, германист, профессор Университета Рединг **Патрик Мэйджор** в своем труде «За Берлинской стеной» (2010) относит к причинам берлинского кризиса слабость ГДР, личные качества Н.С. Хрущева и ухудшение советско-китайских отношений [2, с. 46–48]. Наиболее реалистичной целью советского руководства автор считает попытку добиться дипломатического признания ГДР со стороны западных держав [2, с. 56]. Британский историк, член Королевского исторического общества **Фредерик Тейлор** в работе «Берлинская стена. Разделенный мир, 1961–1989» (2006) указывает на то, что с момента окончания войны Берлин был постоянной «незаживающей раной» в отношениях между Востоком и Западом. Город оставался под контролем Четырехсторонней союзной оккупационной администрации и имел особый статус, он стал тоннелем эмиграции из ГДР в ФРГ. Основу эмигрантов составляли молодые высококвалифицированные специалисты, что угрожало жизни способности ГДР. В такой ситуации советская политика по берлинской проблеме была направлена на сохранение и поддержание жизнестойкости как ГДР, так и советского блока стран [3, с. 8]. Американский исследователь **Томас Банхоф** также отмечает, что Хрущев был вынужден объявить ультиматум в ноябре 1958 г. с целью остановить поток беженцев из ГДР на Запад и консолидировать восточногерманский режим [4, с. 55]. Профессора Государственного университета Болл (США) **Брюс Гилхед** и **Энтони Эдмондс**, анализируя требования, выдвинутые Н.С. Хрущевым 10 ноября 1958 г.,

приходят к выводу, что это была «попытка вынудить западные державы заключить сепаратное соглашение» с ГДР для того, чтобы сохранить свои права в Западном Берлине [5, с. 62]. Причины жесткой риторики Н.С. Хрущева, с точки зрения авторов, были обусловлены слабостью и критическим положением ГДР, а также опасениями советского лидера в связи с возможным размещением ядерного оружия на территории ФРГ и резким возрастанием мощи НАТО на континенте [5, с. 64].

Британский исследователь **Китти Ньюман** полагает, что использование в западной историографии термина «ультиматум» по отношению к выступлению Н.С. Хрущева в ноябре 1958 г. является ошибочным. В работе «Макмиллан, Хрущев и Берлинский кризис» (2007) она отмечает, что советский лидер проявлял заметную гибкость в ходе кризиса, он приветствовал западные инициативы и даже после провала Парижского саммита 1960 г. заявил о готовности продолжать переговоры. Для Н.С. Хрущева успешный исход переговоров по Берлину и разоружению стал бы вершиной его «революционной политики» мирного сосуществования с Западом, о которой он впервые заговорил на XX съезде партии в 1956 г. По мнению автора, именно отстраненное поведение Д. Эйзенхауэра по вопросу с У-2 обусловило жесткий курс Хрущева на встрече с Дж. Кеннеди в июне 1961 г. и спровоцировало гонку вооружений 1960-х гг. Решение Д. Эйзенхауэра о проведении разведывательных полетов над советской территорией имело «катастрофические последствия для хрупких советско-американских отношений, разрушило возможность достижения соглашения по Берлину и отложило наступление разрядки на целое десятилетие» [6, с. 177–178].

Представители либерального направления отмечают высокую степень влияния восточногерманского руководства на советскую политику по берлинской проблеме. К. Ньюман выражает уверенность в том, что руководство СССР было изначально заинтересовано в достижении соглашения по Берлину, однако было вынуждено считаться с «сомнениями или даже сопротивлением своего уважаемого союзника» [6, с. 167]. П. Мэйджор констатирует, что по мере углубления кризиса

подходы СССР и ГДР все больше расходились. На границе Западного и Восточного Берлина представители ГДР часто действовали самовольно, не согласовывая действия с СССР и провоцируя представителей западных государств. Для советской стороны берлинский вопрос был частью германской проблемы, в то время как руководство ГДР требовало придерживаться жесткой переговорной линии и соблюдения сроков ультиматума [2, с. 55]. **Хоуп Гаррисон**, сотрудница Университета Джорджа Вашингтона, приходит к выводу, что решение о возведении Берлинской стены и закрытии границы были приняты по инициативе восточногерманской (а не советской) стороны. В. Ульбрихт, умело используя опасения руководства СССР по поводу дестабилизации ГДР и необходимости ввода советских войск, добился поддержки Москвы по данному вопросу. СССР поддержал возведение Берлинской стены, однако отказался предоставить ГДР контроль над путями доступа в Западный Берлин. Н.С. Хрущев очевидно не доверял своему партнеру или не был уверен в собственных силах контролировать его, поэтому предпочитал не представлять ему дополнительных рычагов власти. С помощью Берлинской стены Н.С. Хрущев не только спасал ГДР, но и «закрывал» правительство В. Ульбрихта в Восточном Берлине, ограждал его от дополнительного искушения спровоцировать кризис в отношениях между Востоком и Западом [7, с. 139]. Американский исследователь **Брюс Меннинг** отмечает, что даже после закрытия границы «односторонние и опасные действия» восточных немцев в Берлине вызывали тревогу в Москве, поскольку могли привести к ухудшению в советско-американских отношениях [8, с. 5]. На основе анализа советских сообщений, поступающих из Берлина, автор приходит к выводу о стремлении Москвы к поиску путей урегулирования ситуации и готовности к компромиссу [8, с. 60].

Вторая группа англо-американских исследователей возлагает ответственность за берлинские события на советскую сторону и лично на Н.С. Хрущева. Представители консервативного направления – У. Смайсер, Дж. Гирсон, Л. Фридман, Дж. Хьюджс, К. Шейк – рассматривают политику Москвы по берлинскому вопросу как часть сложной

геополитической игры, главной целью которой являлось вытеснение США из Европы, раскол НАТО и ослабление позиций Запада в глобальном масштабе.

Джеральд Хьюджс, профессор кафедры международных отношений Университета Аберистуита (Уэльс), в своей работе «Великобритания, Германия и холодная война: поиск европейской разрядки, 1949–1967» (2007) указывает, что «махинации» Н.С. Хрущева в берлинском вопросе имели своей целью внести разлад в западный альянс и ослабить ФРГ, а не искать пути к уменьшению международной напряженности [9, с. 63]. **Лоуренс Фридман**, профессор Королевского колледжа в Лондоне, анализируя причины Берлинского кризиса в своей работе «Войны Кеннеди: Берлин, Куба, Лаос и Вьетнам» (2000), называет главным источником нестабильности в Европе «незаконную и потому хрупкую власть СССР над своими европейскими сателлитами» [10, с. 27]. Л. Фридман отмечает, что СССР был удовлетворен статус-кво в Германии, но не в Берлине, западные сектора которого были превращены в «витрину капитализма». Пока войска западных стран оставались в Берлине, город был источником опасности для всех коммунистических режимов Европы. Следовательно, стратегическая цель Н.С. Хрущева заключалась в выводе западных войск из Берлина и установлении советского контроля над городом. Автор отмечает, что в Берлине позиции Запада в противостоянии СССР были самыми уязвимыми. Именно в этом городе западными союзникам предстояло сделать «нелегкий выбор между самоубийством и уступками, уничтожением и унижением» [10, с. 23].

Джон Гирсон, сотрудник Королевского колледжа в Лондоне, в работе «Гарольд Макмиллан и Берлинский кризис, 1958–1962» (1998) квалифицирует действия советской стороны как «самую продолжительную попытку ядерного шантажа в годы холодной войны» [11, с. 15]. Высокая вероятность ядерного конфликта была обусловлена особым положением Берлина и невозможностью для стран Запада защитить город с помощью обычных вооружений. Политика СССР по германской проблеме, по мнению Дж. Гирсона, свидетельствовала о «призрачности» и невозможности достижения разрядки в

отношениях между Востоком и Западом [11, с. 200]. Последующие уступки Н.С. Хрущева по берлинскому вопросу, в том числе снятие сроков ультиматума, были обусловлены стойкостью и жесткостью западной стороны в ходе переговорного процесса, а также тем фактом, что к осени 1961 г. США «раскрыли политический блеф» советского лидера и убедились в том, что американское производство межконтинентальных баллистических ракет опережает советское [12, с. 42].

Кори Шейк профессор Института Национальных стратегических исследований и Института национальной обороны США полагает, что готовность администрации Д. Эйзенхауэра использовать силу в случае попыток со стороны СССР изменить статус-кво в Берлине была оправдана. Политика Дж. Кеннеди, направленная на поиск путей предотвращения конфликта вместо наращивания военного потенциала рассматривается как ошибочная, не учитывавшая реальных мотивов действий советской стороны на международной арене [13, с. 61]. Таким образом, автор считает урегулирование берлинской проблемы путем поиска компромисса невозможным. С точки зрения К. Шейк, Советский Союз на практике не стремился к поиску взаимоприемлемых решений, его первоочередной задачей являлось распространение влияния на весь Берлин и ослабление западного блока государств. Следовательно, дипломатическое урегулирование проблемы было возможно лишь с позиции силы в условиях военно-стратегического превосходства США.

Американский историк-германист, профессор Университета Джорджтауна (Вашингтон, США) **Уильям Смайсер** относит к числу предпосылок Берлинского кризиса признание Вашингтоном де-факто двух китайских государств и последовавшее давление В. Ульбрихта на Н.С. Хрущева. Лидер ГДР полагал, что «Эйзенхауэр и Даллес признают два немецких государства и два Берлина, если они признали два Китая» [14, с. 138]. По мнению У. Смайсера, советский лидер преследовал глобальные геополитические цели: расколоть НАТО и союзный блок западных стран, «унизить США и заставить их уйти из Германии и Центральной Европы». Это позволило бы

«восстановить старую связь между Россией и Германией» и привело бы к «коренному изменению баланса сил в мировом масштабе». Таким образом, Н.С. Хрущев планировал использовать Берлин для подрыва позиций США не только в Германии, но также в Европе и во всем мире [14, с. 139–140; 15, с. 14–15]. По мнению автора, отказ СССР от первоначального шестимесячного срока ультиматума был обусловлен несколькими факторами: во-первых, основательное планирование со стороны США переброски дополнительных войск в ФРГ и Западный Берлин; во-вторых – нарастающее недоверие Н.С. Хрущева к В. Ульбрихту и нежелание передавать ему контроль над Восточным Берлином. У. Смайсер полагает, что Н.С. Хрущев накануне Парижского саммита понимал, что ему не удастся достичь предлагаемого соглашения по Берлину, поэтому он «ухватился за возможность» уехать из Парижа после того, как американский самолет-разведчик был сбит над советской территорией [14, с. 145–146]. С возведением стены СССР и ГДР «опечатали Восточный Берлин и начали атаку на Западный Берлин» [14, с. 165]. Таким образом, возведение Берлинской стены не ознаменовало окончание Берлинского кризиса.

В отдельной главе «Битва за Западный Берлин» У. Смайсер анализирует действия генерала Л. Клея и дает им высокую положительную оценку. По мнению автора, чтобы завершить Берлинский кризис, Л. Клей должен был сделать его «непредсказуемым и потенциально опасным» для советской стороны, «сыграть на эскалации конфликта» [14, с. 170]. Инцидент у пункта пропуска «Чарли» в октябре 1961 г. автор называет «одним из решающих моментов в битве за Германию», который продемонстрировал непреклонность западной стороны и разрушил образ ГДР как суверенного государства [14, с. 176]. У. Смайсер сравнивает усилия администрации Дж. Кеннеди, направленные на поиск компромисса с советской стороной, с курсом Н. Чемберлена в 1938 г. [14, с. 182–183]. Такое сравнение подтверждает, что автор рассматривает советскую политику по берлинской проблеме как экспансионистскую, изначально не предполагающую заключение конструктивных и долгосрочных договоренностей.

Представители консервативного направления склонны к установлению взаимосвязи между Берлинским и Кубинским кризисами, которые рассматриваются как элементы глобального стратегического планирования СССР. У. Смайсер отмечает, что отсутствие интереса Москвы к инициативам США в первой половине 1962 г. было связано со стремлением Н.С. Хрущева перехватить инициативу путем «быстрого и решительного изменения баланса сил в пользу СССР». Размещение ракет на Кубе должно было «нейтрализовать стратегическое превосходство США». По мнению автора, если бы Дж. Кеннеди уступил в кубинском вопросе, он проиграл бы и в Берлине [14, с. 186–187]. Результат Кубинского кризиса изменил темп и сроки переговоров по Берлину – СССР отказался от всех сроков по заключению мирного договора с Германией. Таким образом, Запад «одержал блестящую победу в борьбе за Германию в далеких водах Карибского моря» [14, с. 192]. Л. Фридман также рассматривает размещение советских ракет на Кубе как продуманный геополитический ход и очередную попытку Н.С. Хрущева оказать давление на Дж. Кеннеди по берлинской проблеме [10, с. 31].

Таким образом, при анализе советской политики по берлинской проблеме в 1958 – 1962 гг. в англо-американской историографии сформировались два основных подхода. Одна группа историков исходит из того, что берлинская проблема, как и германский вопрос в целом, явились закономерным следствием расхождения объективных интересов великих держав после Второй мировой войны. Ни одна из сторон не стремилась к эскалации конфликта, политика Советского Союза в период второго Берлинского кризиса определялась необходимостью защитить свои геополитические интересы в Центральной и Восточной Европе. Представители либерального направления характеризуют советскую политику по берлинской проблеме как во многом компромиссную, направленную на поиск конструктивного решения проблемы и предотвращение вооруженного конфликта. Вторая группа исследователей склонна оценивать политику СССР в период второго Берлинского кризиса как экспансионистскую, направленную на расширение и укрепление своей сферы влияния не только в

европейском, но и в мировом масштабе. Перспективы поиска путей разрядки международной напряженности на рубеже 1950-х – 1960-х гг. с участием советской стороны определяются как крайне слабые и практически недостижимые. Промежуточное урегулирование берлинской проблемы принято связывать с жестким курсом западных союзников и демонстрацией готовности защищать свои интересы в Западном Берлине вооруженным путем.

Литература и примечания:

[1] Ashton, N.J. Kennedy, Macmillan and the Cold War: the irony of interdependence / Nigel J. Ashton. – London. Palgrave Macmillan, 2002. – 288 p.

[2] Major, P. Behind the Berlin Wall / Patrick Major. – London; New York, 2010. – 336 p.

[3] Taylor, F. The Berlin Wall. A world divided. 1961–1989 / Frederick Taylor. – New York: Harper Collins, 2006. – 533 p.

[4] Banchoff, T. The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / Thomas Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.

[5] Geelhoed, B., Edmonds A. Eisenhower, Macmillan and Allied United, 1957–1961 / Bruce Geelhoed, Anthony Edmonds. – New York: Macmillan, 2003. – 228 p.

[6] Newman, K. Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis / Kitty Newman. – London; New York: Routledge, 2007. – 227 p.

[7] Harrison, H. The German Democratic Republic, the Soviet Union and the Berlin Wall Crisis / Hope Harrison // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 119–148

[8] Menning, B. The Berlin Crisis from the Perspective of the Soviet General Staff / Bruce Menning // International Cold War Military Records and History. Proceedings of the International Conference on Cold War Military Records and History Held in Washington, D.C., 21–26 March 1994 / Ed. by William W. Epley. – Washington: Office of the Secretary of Defence, 1996. – P. 49–62

[9] Hughes, G. Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / Gerald Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.

[10] Freedman, L. Berlin and the Cold War / Lawrence Freedman // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 24–32

[11] Gearson, J. Harold Macmillan and the Berlin Wall crisis, 1958–1962 / John Gearson. – London, 1998. – 295 p.

[12] Gearson, J. Origins of the Berlin Crisis / John Gearson // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 33–44

[13] Shake, K. A broader range of choice? US Policy in the 1958 and 1961 Berlin Crises / Kori Shake // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 45–65

[14] Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / William Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

[15] Smyser, W.R. Kennedy and the Berlin Wall / William R. Smyser. – Lanham; Plymouth: Rowman&Littlefield, 2009. – 313 p.

© И.И. Ковяко, 2017